

**КНИГИ
АНАСТАСИИ ГОР**

ТРИЛОГИЯ
«КОВЕН ОЗЕРА ШАМПЛЕЙН»

Ковен озера Шамплейн
Ковен заблудших ведьм
Ковен тысячи костей

ДИЛОГИЯ
«РУБИНОВЫЙ ЛЕС»

Рубиновый лес
Кристалльный пик

РОМАНЫ-ОДНОТОМНИКИ

2:36 по Аляске
Самайнтаун

ЦИКЛ
«СКАЗАНИЯ О МОНОНОКЕ»

Сказания о мононоке
Сказания о екаях

АНАСТАСИЯ
ГОР

2:36
по
АЛЯСКЕ

ЧЕРНЫМ
БЕЛО

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г67

Иллюстрации на обложке
и во внутреннем оформлении *jansen*
Дизайн обложки *Кати Петровой*

Гор, Анастасия.

Г67 2:36 по Аляске / Анастасия Гор. — Москва : Эксмо, 2026. — 608 с.

ISBN 978-5-04-215744-8

Джейми Рейс — единственная студентка во всей Аляске, проснувшаяся утром 27 августа. Крис Роуз — единственный полицейский, оставшийся на Земле после рокового 2:36 на часах. Им предстоит непосильное: ей — пересечь несколько штатов, чтобы добраться до семьи, а ему — не дать себе все испортить. Ведь в этом новом мире таится что-то ужасное... Как и в самом Крисе. Когда все человечество умирает во сне, что лучше — проснуться или умереть вместе с ним?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Гор А., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-215744-8

Пролог

Ночь. Она вопила сильнее, чем совы, что трапезничали в зарослях сосен. Ночь трещала по швам, взрываясь от криков людей, сгорающих заживо. Я бежала не останавливаясь, потому что только так можно спрятаться от отчаяния и гнева, удушающих подобно углекислому газу.

А еще я пряталась от **него**. Тяжелая поступь нарастала следом. Давя ботинками сухой хворост, он не отставал ни на шаг. Лес пропах мхом и ноябрьской слякотью, но я все равно чувствовала лишь один запах: терпкий вихрь из дорогого парфюма и пороха. Так пах мой преследователь, и от этого меня вот-вот грозило вывернуть наизнанку.

Спустя пятнадцать минут я снова споткнулась. Ступни онемели от холода даже сквозь подошву сапог. Ноги подкашивались от усталости, колени дрожали, как и пальцы, с трудом удерживающие заряженный револьвер. Все патроны были на месте. Я до сих пор ни разу не выстрелила, боясь не то промахнуться, не то, наоборот, попасть...

А зря.

Едва не прорыв носом сугроб, когда ноги вновь подогнулись, я наконец рискнула взять передышку. Припав к земле, ползком добралась до первого встречного дерева и прижалась к нему спиной. Затем я откинула голову и, тяжело осев на землю, прильнула щекой к жесткой коре, прислушиваясь. Пальцы заледенели.

Я боялась нечаянно выронить скользкий револьвер и потерять его под толстым слоем снега. Ресницы покрылись инеем, а в висках гулко стучала кровь, но я все равно услышала его голос:

— Малышка, ты же знаешь, что я не люблю играть в прятки. Ну же, выходи. Ты что, хочешь заболеть?

«Лучше сдохну от пневмонии, чем выйду к тебе, ублюдох», — комом встало в горле, но, сжав губы, я не осмелилась даже пискнуть в ответ.

Какие у меня были варианты? Выбежать и попасть напрямиком на мушку или же остаться здесь и замерзнуть насмерть. Выбор без выбора. Только молитва.

«Пожалуйста, пусть он уйдет... Пусть он меня не заметит. Господи, я сделаю все, что захочешь, если он просто уйдет!»

Но Господь не поверил. Если честно, в это не верила даже я сама.

Снова треск хвороста и шаги. Щелчок винтовки.

— Я слышу клацанье твоих зубов, Джеремиа.

Я затаила дыхание и действительно обнаружила, что нижняя челюсть стучит о верхнюю в ознобе. Неужели настолько громко? Подогнув ноги и зажав подбородок между коленей, я стиснула зубы и велела себе затихнуть. Во рту все еще стоял вкус пепла.

«Ну же, проходи мимо, черт возьми!»

Волчий вой где-то далеко-далеко. Кряхтение сов. Свист ветра и все еще гремящие взрывы газовых баллонов, сносящих прочь лагерь, ставший родным.

Вдох-выдох. Выдох-вдох.

Ночь снова закричала, только уже без меня.

— Попалась!

До смешного банальный прием, но я купилась. Слишком долго томилась в ожидании момента, когда к моему виску приставят дуло винтовки. Он сыграл на

этом, окликнув меня со стороны, противоположной той, где я находилась на самом деле. Но я все равно подпрыгнула, выдавая себя с потрохами.

Какой позор.

Услышав, как он усмехнулся, я перепрыгнула поваленное дерево и бросилась наутек. То, что я сумела удрать от него в первый раз, — лишь его извращенная прихоть. Во второй раз не выйдет. Ему надоело играть.

Он прицелился, так неторопливо, словно злорадствовал, растягивая удовольствие от охоты.

Палец на курке. Спуск. Выстрел.

Пуля пробила бедро выше колена. Я завопила и тут же утратила равновесие, кувырком покатилась вниз по заснеженному склону.

Палец на курке. Спуск. Выстрел.

Он повторял все по кругу — стрелял снова и снова, только уже не целясь. Просто пугал меня, пусть это и было бессмысленно: я и так была напугана уже до чертиков.

Наконец, остановившись где-то внизу оврага и потеряв по пути револьвер, я бросилась на землю и, смахнув с лица снег, опустила взгляд на ногу.

Белый покров подо мной стремительно краснел. Кровь хлестала так, словно он прострелил банку с вишневой газировкой. Пуля прошла навывлет — я видела это по дыре в собственных джинсах с двух сторон. Одна хорошая новость наперевес трем другим: я не могла идти, я рыдала от боли и со склона на меня смотрел тот, на чьих плечах лежала вина за все случившееся.

Я всегда ненавидела снег, но зачерпнула его горсть ладонью и поблагодарила судьбу за утренний буран: снег немного унял боль и компенсировал отсутствие времени на перевязку. Кровь начала останавливаться, позволив мне продолжить бежать.

И я побежала.

Последняя секунда будто тянулась целую жизнь. Логичный финал, который хотелось отложить на потом. Надежды не существует, ведь иначе она бы оправдалась хоть единожды. Хотя бы сейчас, сумей я добежать до соседней кромки леса и спрятаться меж колкой хвои... Но я все-таки не успела.

Тяжелый вздох за спиной. Шлепок рюкзака на землю. Судя по всему, он снова прицелился. **Выстрел.**

Снайперская винтовка у него мощнее обычной, а точность острее, чем у простого любителя. Он не профессионал, но ему хватило умения поставить выстрел так, чтобы пуля врезалась в землю в нескольких сантиметрах от моего шага.

Охваченная паникой, я метнулась в сторону. Раненая нога подвернулась, а вторая заскользила на гладкой поверхности, устремляющейся вниз, к реке, бушующей у подножия скал.

Потеряв где-то позади оружие, я следом потеряла и себя: безвольно упала в пропасть, а затем жадно глотнула ледяной воды вместо желанного кислорода, надеясь всплыть наверх. Но не всплыла. Уже, кажется, никогда.

Река окрасилась в светлый багрянец от моей крови.

ЧАСТЬ I

КОШМАРНЫЙ
СОН

1 СУМРАЧНЫЙ ЛЕС

Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу...

Данте Алигьери. Божественная комедия

Запись

Что первым приходит вам на ум, когда вы слышите слова «конец света»? Атомная война? Космический корабль пришельцев, повисший в темном бархате неба? Смертоносный вирус, превращающий людей в бездумных голодных зомби? Вам приходит на ум все что угодно, и это «все» обязательно ассоциируется с массовой паникой и хаосом. В голове зреет любой сценарий, кроме одного: конец света необязательно должен быть шумным и даже заметным.

Это случилось тихой ночью в конце августа, когда еще достаточно тепло для барбекю, но уже не так, чтобы готовить его в одной майке. Лето на Аляске куда холоднее обычного, но мне все равно нравилось проводить каникулы здесь. Правда, мой энтузиазм навсегда исчез после одного-единственного четверга.

27 августа. 2:36, застывшее на всех часах — настенных, наручных, настольных. Те, кто еще не спал в это время суток, вдруг разом уснули. И уже не проснулись. Во всем студенческом городке под названием Фэрбенкс в штате Аляска утро наступило лишь для меня одной.

Первой я попыталась разбудить свою соседку Верити. Когда, столкнув ее с постели на пол, я не услышала привычного ворчания, я первым делом приложила два пальца к артерии на ее шее. Хватило пары секунд, чтобы убедиться: сердце не бьется. Бледная, почти лиловая, она отчетливо выделялась на фоне дубового пола. Рыжие волосы, словно языки пламени, пожирала осунувшееся лицо.

— Стефани! Верити мертва, Стефани! — Я вопила так, что начало саднить горло. Меня била дрожь, я бездумно накинула на Верити одеяло с эмблемой нашего университета — полярным медведем — и ринулась к стоящей в углу кровати Стефани.

Честно сказать, Стеф никогда не была мне близкой подругой, в отличие от Вер. Нам не удавалось найти общий язык, но мне было достаточно и того, что она показывала себя примерным сожителем. Никогда не забывала выкинуть просроченное молоко или вовремя вернуть одолженную книгу. У Стефани были черные волосы и серые глаза — идеальное сочетание холодности и великолепия. Помимо красоты и хозяйственности, она обладала невероятно острым умом. Но даже этот ум не уберег ее от вечного сна.

— Стефани! — снова вскричала я, дергая за рукав фланелевой сорочки, и Стефани неуклюже соскользнула с постели вниз вместе с подушкой.

Вот уже два мертвых тела лежали у моих ног.

Съжившись на коврике посреди комнаты, я просидела так около пятнадцати минут, молча приходя в себя, пока не грянула истерика. И я заплакала. Не знаю, сколько именно я рыдала, размазывая следы вчерашнего макияжа по лицу. Но когда это закончилось, я не могла даже говорить.

В глубине души я верила, что кто-то придет на мои зывания. Героически ворвется в комнату и спасет ме-

ня от трагедии. Две смерти за ночь в одной спальне без очевидных причин — такого ведь просто не бывает! А еще не бывает того, чтобы меня никто не услышал и не пришел. Чтобы точно так же, как Верити и Стефани, меня покинули все остальные.

Но в этом мире случается даже то, чему случиться на первый взгляд просто не суждено.

— Томми...

Это было третье имя, сорвавшееся с моих уст в то утро. Затем Лен. Кирилл. Айзек. Глория. Приветливый белокурый парнишка по имени Мишель. Здешняя «малышка на миллион» Виви. Даже преподаватель микробиологии со своей женой Стэйси.

Их было много, точнее — все. Общежитие превратилось в склеп. Если зайти в комнату и оглядеться, то все кажется нормальным: уютная спальня подростков, отсыпавшихся после напряженной учебной недели. Но это не подростки. Это Тела. Так я стала звать их, чтобы лишний раз не смаковать слово «трупы». Они — моя единственная компания, потому что за все сорок семь дней я не встретила никого, у кого в груди по-прежнему бы билось сердце.

В кармашке осталась последняя пачка мармеладных мишек. На одних сладостях с бесконечным сроком годности долго не продержаться, но я пыталась. Мой путь был и остается дальним. Я шла в истоптанных кедах к границе, с походным рюкзаком за плечами и с почти разрядившимся плеером. Лишь музыка скрашивала мое путешествие до Орегона, куда я направлялась, чтобы вернуть родных. Ну или то, что от них осталось.

После заката на улице становилось небезопасно. Медведи гризли любили бушевать под конец летнего сезона. Я почти не спала. Лишь окончательно выбившись из сил из-за странствий или рыданий захлеб,

я проваливалась в долгожданное забытьё. А проснувшись, снова погружалась в неизменный кошмар. Единственным утешением стал алкоголь, но он слишком задерживал меня: за целых полтора месяца я не преодолела и половины Аляски. Пережив шестое по счету похмелье за две недели, в приступах рвоты я сердечно поклялась бросить — и завязала. Наверное, это был самый короткий период алкоголизма за всю человеческую историю.

Пересекая речной мост, я притормозила, чтобы глянуть на отражающую гладь воды как на своеобразное зеркало. Видеть собственное лицо было трудно, ведь в нем прослеживаются чужие черты — моих родителей, сестры и брата. Каждая линия так или иначе связана с ними и навеивает воспоминания. От отца мне досталась смуглая кожа с россыпью веснушек, гроздьями усеявшими тело, и высокий рост, в котором я уже к четырнадцати годам превосходила свою мать, хрупкую и русую, как коренные прибалтийцы. У нас с ней были одинаково зеленые глаза. Но в остальном во мне было больше от юга — темные волосы да страсть к испанской сангрии. Джесс — моя младшая сестра — ненавидела сангрию. Да и меня иногда тоже. Севера от матери в ней было даже больше, чем во мне юга от отца, и под «севером» я подразумеваю совсем не внешность.

Джесс была младше меня всего на шесть лет, но пропасть между нами была на все двадцать. Однажды, когда я только пошла в школу, мама подозвала меня к себе и ткнула пальцем в свой живот.

— Смотри, здесь растёт твоя сестренка. Скоро вы будете играть вместе и заботиться друг о друге, — сказала она.

Мама ещё никогда так не ошибалась.

— Почему он выбрал тебя?

Джесс буквально выхватила у меня из рук расческу, когда я, проигнорировав ее угрожающий тон, продолжила невозмутимо приводить в порядок прическу. Неохотно взглянув на сестру, я обнаружила уже знакомое зрелище: пылающие от гнева щеки и пухлая нижняя губа, дрожащая от обиды.

— Не молчи!

Тяжело вздохнув, я подобрала с туалетного столика шпильки и закрепила ими локоны на затылке.

— Что ты хочешь услышать?

— Почему вместо меня он выбрал тебя?!

Я закатила глаза и, обернувшись на Джесс, потянулась к своей расческе. Она упрямо отдернула руку.

— Он все равно не подходит тебе, — скривилась я.

— Почему это?

— Тебе тринадцать, Джесси.

— Ну?

— А ему двадцать три.

— И что?

— И, как все тринадцатилетки, ты слишком подвержена гормонам, чтобы думать головой! — простонала я и, все же опередив реакцию сестры, вырвала расческу обратно. — Макс для тебя слишком взрослый. Да и это уже четвертая твоя «большая любовь» за последние полгода. Может, хватит убиваться по пустякам? Лучше помоги мне отыскать земляничные духи. Ты их, случаем, не брала?

Я услышала, как Джесс зашипела сквозь сжатые зубы, а затем она резко подалась вперед и хлопнула ладонью по моей укладке. Острые шпильки со звоном посыпались на пол, а заколка болезненно царапнула

